

Красная Армия глазами финского командования: Уроки советско-финляндской войны 1939–1940 гг.

Павел В. Петров

Россия, Санкт-Петербург

Март 12, 2012

Аннотация

В данной работе исследуется такой вопрос, как изучение опыта советско-финляндской войны 1939-1940 гг. высшим немецким военным руководством накануне Великой Отечественной войны. Эта проблема приобретает особую актуальность при рассмотрении вопроса о подготовке Германии к нападению на СССР. Следует заметить, что финское руководство после окончания «зимней войны» предоставило немецкой стороне полную информацию об опыте военных действий с Красной Армией. Немецкое командование довольно подробно рассмотрело все достоинства и недостатки РККА, отмеченные финнами. Однако в данном вопросе немецкое высшее военное и политическое руководство проявило явную тенденциозность, существенно принизив боевые возможности Красной Армии. Последнее обстоятельство роковым образом сказалось при оценке боеспособности Советских Вооруженных сил и советского военного потенциала.

Ключевые слова: советско-финляндская война, Генеральный штаб, Красная Армия, боевой опыт, разведка, наступление, дивизия.

Как известно, события советско-финляндской войны 1939–40 гг. оказали очень сильное влияние на формирование мнения германского верховного командования относительно боеспособности Красной Армии. В результате изучения полученной по разным каналам разведывательной информации о Советских Вооруженных силах, германским военным руководством был сделан неверный вывод о том, что РККА является «колоссом на глиняных ногах» и что для сокрушения её сил не понадобится слишком много времени и сил. Это обстоятельство впоследствии сыграло свою роковую роль при подготовке фашистской Германии к войне с Советским Союзом.

Однако, вполне естественно, что столь невысокое мнение германского генералитета не могло основываться просто на сообщениях прессы о ходе войны, донесениях военных атташе или собственных предвзятых оценках. Для этого были необходимы более убедительные факты, которые подтвердили бы правильность собственных выводов. И в этом

отношении, для немецкой стороны огромную роль сыграли материалы о «зимней войне», которые были своевременно переданы командованием финской армии после её окончания. Именно эта информация стала основным источником сведений о сильных и слабых сторонах Советских Вооруженных сил.

Финская сторона не один раз предоставляла Главному командованию сухопутных войск Германии (ОКХ) разведывательную информацию по Красной Армии, в связи с прошедшей советско-финляндской войной 1939–1940 гг. Судя по разным данным¹, на протяжении 1940 г. – первой половины 1941 г. различные представители финского генералитета (П. Талвела, Х. Эквист, Х. Эстерман, А. Хейнрикс, В. Туомпо, В. Валве) неоднократно посещали Германию с деловыми визитами. Вероятно, что в ходе этих визитов финские генералы передавали немецкой стороне различные разведывательные материалы, в которых делались обзоры состояния Красной Армии по опыту «зимней» войны. В частности, в монографии М. Йокипии подчеркивается, что осенью-зимой 1940 г. *«поток информации шел ... только в одном направлении: от финнов, которые просили помощи, в сторону Германии»*². Упоминания об этой информации также содержатся в некоторых известных источниках. Например, 3 февраля 1941 г. начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер в своих заметках к плану «Барбаросса» пишет следующее о советской артиллерии: *«...В численном отношении артиллерия весьма мощная, однако матчасть устарела. По опыту боев в Финляндии, артиллерия непригодна к ведению эффективного огня на поражение...»*³. Причем, далее в своем дневнике он прямо ссылается на некую *«финскую оценку»*⁴. А если учесть, что 30 января 1941 г. в Берлин прибыл с деловым визитом начальник Генерального штаба Вооруженных сил Финляндии генерал-полковник А. Э. Хейнрикс, то нетрудно понять, откуда вдруг появились эти сведения у немецкой стороны. Или же 1 июля 1941 г., уже после начала войны с СССР, всё тот же Ф. Гальдер обсуждал с финским генерал-лейтенантом Х. Эквистом *«боевой опыт войны Финляндии с русскими»*⁵. Таким образом, между Германией и Финляндией имел место постоянный обмен информацией военного характера относительно Советского Союза.

2 октября 1940 г. отдел «Иностранные армии – Восток» IV-го обер-квартирмейстера Генерального штаба сухопутных войск Германии распространил за № 3535/40, под грифом «секретно», документ под названием «Опыт финско-русской войны»⁶. Как было указано в его вводной части, *«нижеследующий анализ основан на отдельных отчетах об опыте, полученных из финских источников»*, которые *«недостаточны для того, чтобы составить полное, соответствующее действительности, представление о Красной Армии»*⁷. В этом крайне интересном обзоре, ныне хранящемся в Российском государственном архиве военно-

морского флота (РГА ВМФ), были отмечены наиболее принципиальные недостатки в действиях Красной Армии.

В начале обзора «Опыт финско-русской войны» речь шла о тех условиях, в которых пришлось действовать советским войскам. Подчеркивалось, что боевые действия РККА развернулись в 100–200 км от станций выгрузки, а *«вследствие труднопроходимой местности и неблагоприятных метеорологических условий подвоз на механической тяге и лошадях был недостаточным»*. На Карельском перешейке, как указывалось в отчете, было сосредоточено такое количество войск, что подвоз продовольствия в течение длительного времени был организован очень плохо. Более того, подчеркивалось, что отдельные воинские соединения в течение нескольких недель получали продовольствие только с самолетов⁸.

В качестве самых главных причин неудач советских войск были названы недостаточная инициатива и шаблонные, неповоротливые действия, выразившиеся в стремлении все время оставаться на дорогах, неумении совершать переходы по лесистой местности и вести на ней боевые действия⁹. Также, по мнению финского командования, *«русские неправильно оценивали эффективность и возможности использования отдельных видов оружия»*. В частности, было отмечено увлечение советского командования использованием танков¹⁰.

Финские аналитики внимательно рассмотрели систему отдачи приказов в Красной Армии, указав на ее основные недостатки. Во-первых, была отмечена недостаточность данных о противнике и плохая организация разведки. Была подвергнута критике формулировка боевых задач в советских приказах: *«...Распоряжения сформированы (скорее, сформулированы – П.П.) так неясно, что в большинстве случаев подчиненные не понимают, что намечено и как командир представляет себе выполнение данной задачи»*¹¹. Здесь же указывалось, что при отдаче приказа на день, как правило, тщательно сохранялись в тайне дальнейшие действия командира: следует ли идти вперед или сделать привал. Командирам соединений и частей не всегда удавалось поддерживать связь с подразделениями, из-за чего в приказах часто ставились задачи на 2 дня¹².

Финнами также отмечалась плохая ориентировка советских командиров на местности и незнание собственных разграничительных линий. Это приводило к тому, что они зачастую не знали, за какой район они несут ответственность и какая часть находится рядом. Финские подразделения, пользуясь неразберихой в управлении и отсутствием всякой согласованности в действиях советских частей, легко проходили между дивизиями РККА и проникали в их тылы. Танковые части, временно придаваемые пехотным соединениям, не имели четкого представления о том, *«в каком пункте они будут взаимодействовать, по какой дороге им*

*следует идти и кому они должны передавать сообщения»*¹³. Отдельно было указано на один из самых крупных недостатков в действиях Красной Армии – отсутствие всякого взаимодействия между различными соединениями и родами войск на поле боя¹⁴.

Финскими командирами было верно подмечено, что изложенные в различных наставлениях РККА указания по ведению разведки в ходе боевых действий советскими частями практически не выполнялись. Финнами был приведен пример, хорошо характеризующий отношение советских командиров к разведке. При совершении советской стрелковой дивизией наступательного марша, ее разведывательный батальон, как правило, замыкал колонну, хотя обязан был находиться в ее авангарде¹⁵. Таким образом, элитные подразделения – разведчики использовались в качестве обычных пехотинцев.

Система боевого охранения советских войск была оценена финскими военными достаточно высоко. Как отмечалось в отчете, фланги и опорные пункты русских оборонялись отрядами из 15–20 человек, которым придавались пулеметы или танки. Это охранение *«было очень бдительным, о тревоге оно предупреждало выстрелами, сиренами и световыми ракетами»*¹⁶. Что касается дозорной службы, то в нее набирались специально отобранные люди, *«как правило, не добровольцы (перебежчики)»*. По мнению финнов, при правильном использовании дозорные проявляли себя очень внимательными и наносили финнам определенные потери¹⁷.

Отдельную часть документа составило описание ведения боя советскими частями. Особо было отмечено, что советская пехота всегда проводила атаки с большим подъемом, а *«русские боялись плена, так как пропаганда изображала финнов особенно зверским народом»*. По наблюдениям финнов, если кто-либо из солдат обращался в бегство, то командир подразделения имел полное право пристрелить его¹⁸.

Атаке советских частей, как правило, предшествовала многочасовая артиллерийская подготовка, на которую отпускалось значительное количество снарядов. В качестве доказательства этого положения, был приведен пример, когда на участке фронта шириной в 1,5 км за 2 часа было расстреляно свыше 10 тысяч снарядов. Насыщение передовой линии артиллерией вообще было довольно высоким: так, на участке фронта шириной в 2500 м находилось около 300 орудий. Помимо артиллерийской поддержки, атака пехоты почти всегда прикрывалась танками. В среднем, каждой дивизии придавалось 50–100 танков, а при наступлении на укрепленную позицию их количество достигало 200 штук. Атак стрелкового батальона, в среднем, поддерживалась 20 танками¹⁹.

При наступлении, согласно наставлениям, стрелковой роте отводился участок фронта шириной в 300 м, батальону – 600 м, а стрелковой дивизии – 4500 м. В ходе атаки, пехота

шла за танками 2–3 волнами, при этом полковая артиллерия и пулеметы двигались вместе с пехотными подразделениями. По мнению финнов, самой мелкой атакующей боевой единицей РККА был батальон. В основном, атаки проводились глубокоэшелонированными волнами, хотя в конце войны использовались также и тактические группы. При атаке, все 3 батальона полка располагались очень плотно, друг за другом, что приводило к большим потерям. Было замечено, что атаковавшие «линию Маннергейма» советские стрелковые дивизии довольно быстро бросали в бой все имевшиеся резервы. Причем, уничтожение первой волны советской пехоты не приводило к прекращению наступления. Более того, финское командование заметило, что даже если наступление с самого начала захлебнулось, то на протяжении целого дня на этом участке фронта, не взирая ни на какие потери, бросались в бой все новые и новые части. В конце концов, не выдерживая такого яростного напора со стороны советских войск, финские части, оборонявшие укрепления, были вынуждены отходить²⁰.

Первая волна советской пехоты стремилась наступать до линии вырвавшихся вперед танков, чтобы под прикрытием их огня и поставленной ими дымовой завесы начать окапываться. Окапывание производилось для того, чтобы дать возможность последующим пехотным волнам успешно вести наступление. Финнами было замечено, что пехотные части окапывались очень быстро и умело. Поэтому, при советском наступлении финны стремились перейти в контратаку и не позволить создать оборонительные позиции. Если допускалось промедление с контратакой, то дальше выбить советские части с занятых позиций было уже крайне сложно, поскольку *«однажды занятые позиции русские назад не отдавали, они защищали их до последнего человека»*²¹.

Основными объектами для атак советской пехоты, по мнению финской стороны, являлись железобетонные (ДОТ'ы) и деревоземляные оборонительные (ДЗОТ'ы) сооружения. Чтобы выявить хорошо замаскированные финнами огневые точки и вынудить последние открыть огонь, тем самым, обнаружив себя, советские части предпринимали демонстративные атаки на финские позиции. Правда, подобная «хитрость» не всегда оправдывала себя, ибо часть оборонительных сооружений молчала. Для захвата обнаруженных ДОТ'ов широко использовались специальные штурмовые группы, состоявшие, как правило, из 2-х стрелковых взводов с приданными им 2 орудиями и саперами со взрывчаткой²².

Оборонительные действия советских войск квалифицировались финским командованием как упорные и мужественные. Однако, несмотря на обучение и тренировку в оборудовании позиций, действия оборонявшихся советских частей страдали известными

недостатками. Например, было замечено, что позиции были недостаточно эшелонированы в глубину и не всегда хорошо применены к окружающей местности. Кроме того, советские части так плохо поддерживали связь между собой, что зачастую между окопавшимися батальонами незаметно проходили финские лыжные отряды²³.

В действиях советской артиллерии также было обнаружено немало недостатков. На начальном этапе боевых действий было израсходовано огромное количество боеприпасов, но при этом не было достигнуто сколько-нибудь значительных результатов. Объяснялось это тем обстоятельством, *«что не было никакого управления огнем»*. Правда, в дальнейшем, как признавала финская сторона, было отмечено улучшение в использовании артиллерии²⁴. Было замечено, что одна часть артиллерии использовалась исключительно против системы оборонительных сооружений финнов, в то время как другая обстреливала тыловые коммуникации. Кроме того, по мнению финнов, стрельба прямой наводкой постепенно стала заменяться стрельбой с закрытых позиций. Для корректировки артиллерийской стрельбы в ходе войны применялись привязные аэростаты, которые вели наблюдение не только днем, но и ночью, вынуждая финскую сторону вводить светомаскировку в тылу²⁵.

По применению танков финнами были сделаны следующие наблюдения. В основном, танки наступали тремя эшелонами: задачей 1-го эшелона являлся прорыв и обстрел тыловых объектов противника, 2-й эшелон предназначался для подавления неприятельского огня на основной оборонительной позиции, а 3-й эшелон должен был оказывать артиллерийскую поддержку пехоте, по возможности из укрытия²⁶. Но чаще всего, взаимодействие танковых эшелонов было настолько плохо организовано, что атаки на главную оборонительную линию неизменно отбивались финскими войсками. Финны всякий раз успевали подготовиться к отражению советских танковых атак, поскольку подход последних к линии фронта сопровождался сильным шумом. Вообще, из опыта применения бронетанковых частей РККА финны сделали тот вывод, что *«атака танков при хорошо организованной обороне редко может закончиться успешно»*²⁷.

Столь оптимистичный вывод финской стороны объяснялся непреодолимостью противотанковых препятствий (бетонных и гранитных надолб, установленных в шахматном порядке) финнов для большинства советских танков того времени. Легким танкам просто не хватало мощности двигателя, чтобы раздвинуть их, а их орудия были слишком малого калибра, чтобы разбить надолбы. Попытки же продвинуть один танк через надолбы с помощью двух других танков обычно заканчивались потерей последнего. Лишь тяжелые танки (к ним финны, вероятно, относили средний танк «Т-28» и новейшие тяжелые танки «КВ», «СМК» – П.П.) могли разбить своей артиллерией гранитные надолбы, чтобы затем

пройти через них. Еще одним значительным препятствием на пути советских танков были противотанковые рвы, ширина которых достигала 7 м, а глубина – 2 м²⁸.

Далее, финны поделились опытом борьбы с советскими танками. По их данным, снаряды 37-мм противотанковых орудий типа «Vofors» пробивали броню легких танков «Т-26», «БТ» и «Т-27», у которых толщина брони составляла от 4 до 16 мм (на самом деле, у танка «Т-26» броня составляла 15 мм, у танков «БТ-2», «БТ-5» и «БТ-7» – от 13 до 20 мм, у танкетки «Т-27» – 10 мм – П.П.). При оценке броневой стали советских танков следовало руководствоваться тем обстоятельством, что *«русская сталь в качественном отношении отличается от стали, производимой в других государствах»*²⁹.

Для борьбы с советскими танковыми частями, в составе финской пехотной дивизии имелась противотанковая рота, состоявшая из 4 взводов по 2 отделения в каждом. Отделение состояло из командира, заместителя, 2–3 истребителей танков, вооруженных пистолетами и ручными гранатами, 2–3 ослепителей, вооруженных бутылками с горючей жидкостью («коктейль Молотова») и дымовыми шашками, 1 стрелка-автоматчика, 2–3 стрелков для охраны, вооруженных винтовками, бутылками с горючей жидкостью, ручными гранатами и подрывными зарядами³⁰.

Атаки на советские танки в дневных условиях и на открытой местности проводились, как правило, из рвов или других укрытий. Головной танк уничтожался миной или подрывным зарядом. Затем производились подрывы зарядов перед другими танками. Как показал финский опыт, наиболее успешно срабатывали мины, установленные на подставки (деревянные чурки). Трехкилограммовый заряд, заложенный в снег без подставки, не наносил повреждений гусеницам танков «Т-28». Пятикилограммовый заряд действовал значительно более эффективнее. После взрыва подрывных зарядов истребители танков стремились уничтожить сами танки. Для этого, они старались забросить гранаты в открытые люки, так как экипажи танков зачастую старались выбраться из них и принять бой.

Использовались также и другие приемы: между башнями танков «Т-28» сбрасывался двухкилограммовый подрывной заряд, который выводил их из строя. Или же, в решетку вентиляционного отверстия забрасывался 4-кг заряд, который просто разрывал заднюю часть танка и уничтожал бензобаки. В случае подрыва одной гусеницы, танки начинали вращаться на месте. Поскольку это мешало финским солдатам взобраться на танк, они стремились подорвать и вторую гусеницу. Находившиеся рядом стрелки боевого охранения и автоматчики поражали стрелковым огнем танкистов, выбравшихся из подбитых танков³¹. Было замечено, что попытки советских танкистов обезвреживать мины с помощью

выдвинутых перед танком тралов, как правило, не удавались. В большинстве случаев, и сами танки, и тралы сразу выводились из строя³².

Общий вывод, сделанный немецким командованием по итогам «зимней войны», гласил, что *«Красная Армия не отвечает современным требованиям»*³³. Однако, германская сторона не стала делать слишком поспешных категорических выводов, верно предположив, что недостатки, проявившиеся в ходе боевых действий, были хорошо известны советскому командованию и из них будут сделаны надлежащие выводы. В частности, были отмечены такие шаги советского руководства, как восстановление единоначалия офицеров, укрепление дисциплины, новые директивы об обучении высшего командного состава и хорошая подготовка отдельных воинских соединений (скорее всего, имелись в виду отличившиеся на маневрах 1940 г. дивизии – П.П.). Все это, по мнению немецкого командования, свидетельствовало о том, что *«следует рассчитывать на определенные успехи в отношении подготовки Красной Армии»*³⁴.

Чтобы картина не была односторонней, можно сравнить финско-немецкую оценку возможностей Рабоче-Крестьянской Красной Армии с оценкой, сделанной советским военным руководством вскоре после окончания советско-финляндской войны. В своем приказе № 120 от 16 мая 1940 г., посвященном боевой и политической подготовке войск на летний период 1940 учебного года, нарком обороны СССР маршал Советского Союза С. К. Тимошенко отметил, что *«опыт войны на Карело-Финском театре выявил крупнейшие недочеты в боевом обучении и воспитании армии»*³⁵. Далее, он указал на следующие принципиальные моменты: 1) Воинская дисциплина не стояла на должной высоте, а в отдельных случаях состояние дисциплины не обеспечивало твердого выполнения войсками поставленных им боевых задач; 2) Войска не были подготовлены к боевым действиям в сложных условиях, в частности к позиционной войне, к прорыву УР, к действиям в суровых условиях зимы и в лесу; 3) Взаимодействие родов войск в бою, особенно в звене рота–батарея, батальон–дивизион, являлось наиболее узким местом; 4) Основной причиной плохого взаимодействия между родами войск было слабое знание командным составом боевых свойств и возможностей других родов войск; 5) Пехота вышла на войну наименее подготовленной из всех родов войск: она не умела вести ближний бой, борьбу в траншеях, не умела использовать результаты артиллерийского огня и обеспечивать свое наступление огнем станковых пулеметов, минометов, батальонной и полковой артиллерии; 6) Артиллерия, танки и другие рода войск также имели ряд недочетов в своей боевой выучке, особенно в вопросах взаимодействия с пехотой и обеспечения ее успеха в бою; 7) Подготовка командного состава не отвечала современным боевым требованиям, командиры

не командовали своими подразделениями, не держали крепко в руках подчиненных, теряясь в общей массе бойцов; 8) Авторитет комсостава в среднем и младшем звене невысок; требовательность комсостава низка; командиры порой преступно терпимо относились к нарушениям дисциплины, к пререканиям подчиненных, а иногда и к прямым неисполнениям приказов; 9) Старший и высший комсостав слабо организовал взаимодействие, плохо использовал штабы, неумело ставил задачи артиллерии, танкам и особенно авиации и др.³⁶.

Как мы видим, советский документ (правда, здесь надо делать определенную скидку на некоторое сгущение красок и резкость, как и во всяком другом документе директивного характера - П.П.) выглядит в некоторых случаях даже более резким и негативным, чем обзор немецкой разведки, сделанный по финским источникам. Таким образом, характеристику Красной Армии, сделанную в анализе «Опыт финско-русской войны», можно считать вполне объективной, а в чем-то даже осторожной.

Тем более удивительно, что, несмотря на столь выдержанную оценку боевых возможностей РККА, сделанную Генеральным штабом сухопутных войск, германское военное руководство впоследствии полностью переменяло свои взгляды на этот счет и стало слишком уж пренебрежительно отзываться о Советских Вооруженных силах. Достаточно только почитать записи из служебного дневника начальника Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковника Ф. Гальдера за 16 января 1941 года: «...Материальная часть устарела. Новое только то, что взято из-за границы. Командование безынициативно. Не хватает широты мышления»³⁷. Более того, начальник немецкого Генштаба полностью согласился с оценкой советских Вооруженных сил, данной им рейхсканцлером Германии А. Гитлером на совещании 5 декабря 1940 г., о чем свидетельствует следующая запись: «...Русский человек неполноценен. Армия не имеет настоящих командиров. Смогли ли они за последнее время серьезно внедрить правильные принципы военного руководства в армии, более чем сомнительно. Начатая реорганизация русской армии к весне еще не сделает её лучше... Если по такой армии нанести мощный удар, её разгром неминуем...»³⁸. Но прошло не так много времени и уже после начала войны между Германией и Советским Союзом, в августе 1941 г., Гальдер был вынужден сказать совершенно противоположное: «...Колосс-Россия, который сознательно готовился к войне, несмотря на все затруднения, свойственные странам с тоталитарным режимом, был нами недооценен. Это утверждение можно распространить на все хозяйственные и организационные стороны, на средства сообщения и, в особенности, на чисто военные возможности русских»³⁹. Это было, конечно, уже слишком запоздалым признанием своих собственных ошибок и просчетов, но важно, что оно все-таки было сделано.

Примечания

-
- ¹ *Йокиши М.* Финляндия на пути к войне: Исследование о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940-1941 гг. Петрозаводск, 1999. С. 81-82, 86-90, 111, 164-165. *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй Мировой войне. Л., 1989. С. 132, 135, 145-147, 149. *Гальдер Ф.* Военный дневник: Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939-1942 гг. Т. 2. От запланированного вторжения в Англию до начала Восточной кампании (1.7.1940 – 21.6.1941). М., 1969. С. 293, 306, 343.
- ² *Йокиши М.* Финляндия на пути к войне: Исследование о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940-1941 гг. С. 87.
- ³ *Гальдер Ф.* Военный дневник: Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939-1942 гг. Т. 2. С. 347.
- ⁴ Там же. С. 347.
- ⁵ Там же. Т. 3. Кн. 1. От начала Восточной кампании до наступления на Сталинград (22.06.1941 – 24.09.1942). М., 1971. С. 71.
- ⁶ Российский государственный архив Военно-морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф. Р-2209. Оп. 1. Д. 154. Л. 1.
- ⁷ Там же. Л. 1.
- ⁸ Там же. Л. 1-2.
- ⁹ Там же. Л. 1-2.
- ¹⁰ Там же. Л. 2.
- ¹¹ Там же. Л. 2.
- ¹² Там же. Л. 2-3.
- ¹³ Там же. Л. 3.
- ¹⁴ Там же. Л. 3.
- ¹⁵ Там же. Л. 4.
- ¹⁶ Там же. Л. 4.
- ¹⁷ Там же. Л. 4.
- ¹⁸ Там же. Л. 4.
- ¹⁹ Там же. Л. 4-5.
- ²⁰ Там же. Л. 5-6.
- ²¹ Там же. Л. 6.
- ²² Там же. Л. 6.
- ²³ Там же. Л. 6-7.
- ²⁴ Там же. Л. 7.
- ²⁵ Там же. Л. 7-8.
- ²⁶ Там же. Л. 8.
- ²⁷ Там же. Л. 8.
- ²⁸ Там же. Л. 8-9.
- ²⁹ Там же. Л. 9.
- ³⁰ Там же. Л. 10.
- ³¹ Там же. Л. 10-11.
- ³² Там же. Л. 11.
- ³³ Там же. Л. 13.
- ³⁴ Там же. Л. 13.
- ³⁵ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13(2-1). М., 1994. С. 134.
- ³⁶ Там же. С. 135.
- ³⁷ *Гальдер Ф.* Военный дневник: Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939-1942 гг. Т. 2. С. 319.
- ³⁸ Там же. С. 282.
- ³⁹ Там же. Т. 3. Кн. 1. С. 264.